

POLm.8_666 POLm.8_666

Кислота и любовь

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Кислота и любовь

<https://litres.ru/74351153>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Для кого эта книга****

Для читателей, которым важна не развязка, а то, как и почему люди доходят до края. Для тех, кто хочет понять, как выглядит пограничное расстройство изнутри — не как диагноз из учебника, а как живой голос, как логика, которая затягивает в воронку. И для тех, кто знает, что самые страшные истории — это не выдумка, а то, что происходит за соседней дверью.

Эта книга не утешает. Она не даёт надежды. Но она показывает: за каждой строкой криминальной хроники — живой человек. И иногда единственное, что мы можем сделать, — это не отвести взгляд.

Содержание

### Дисклеймер	4
### Глава 01. Долгожданная встреча	6
### Глава 02. Встреча в кафе	11
### Глава 03. Переезд	19
### Глава 04. Чья – то личная собственность	25
### Глава 05. Аквапарк	36
### Глава 06. Прошёл год	45
### Глава 07. Апатия	57
### Глава 08. Проходи, не задерживайся	65
### Глава 09. Приём у психолога: от лица мужика	71
### Глава 10. Приём у психолога: от лица бабы	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Кислота и любовь

Дисклеймер

Это художественное произведение. Все персонажи, события, диалоги и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или ушедшими, — их поступками, словами или судьбами случайны, даже если читателю покажется, что он узнал кого-то. В том числе — себя.

Автор не ставил целью оскорбить, оправдать или обвинить кого-либо. Эта книга — не судебный акт, не медицинское заключение и не учебник по отношениям. Это художественное исследование человеческой психики, её уязвимости и её тёмных пределов.

В романе описаны психологическое насилие, домашний абьюз, пограничные состояния, тяжёлые телесные повреждения, смерть и её последствия. Эти сцены могут быть травмирующими для людей с повышенной чувствительностью, а также для тех, кто пережил или переживает подобное.

Помните: эта книга — не норма. Отношения, описанные в ней, — не эталон любви. Ревность, контроль, растворение в партнёре, утрата собственных границ, насилие — это не про «сильные чувства», а про болезнь и беду. Если вы узнаете в тексте свою жизнь — это повод не молчать, а обратиться за помощью.

Если вы находитесь в абьюзивных отношениях, если вам страшно, если вы не знаете, как уйти, — поговорите с тем, кому доверяете, позвоните на горячую линию, обратитесь к психологу или в кризисный центр. Вы не одни. Выход есть. И вы имеете на него право.

Берегите себя. И тех, кто рядом.

Глава 01.

Долгожданная встреча

Он позвонил в дверь ровно в семь. Я знала, что это он, но всё равно вздрогнула — так вздрагиваешь, когда долго ждёшь, а потом пугаешься, что дождалась.

Я открыла. На пороге стоял Алан. Мы не виделись со школы, и за эти годы он превратился из угловатого мальчишка, который вечно забывал дома сменку, в мужчину с тихой, спокойной грацией. Пальто на нём сидело так, будто егошили прямо на теле. Он держал в руках бутылку и слегка улыбался — не широко, а уголком рта, словно знал что-то, чего не знаю я.

— Привет, — сказал он. — Сто лет.

Я хотела ответить что-то остроумное, но вместо этого просто отступила в сторону, освобождая проход. Я поймала себя на том, что поправляю волосы, хотя до этого три часа решала, распустить их или собрать. Распустила. Теперь снова тронула их — зачем-то, будто проверяя, на месте ли они.

— Заходи, — сказала я.

Он вошёл. В моём двухэтажном доме сразу стало как-то иначе: звуки сделались громче, тени — резче. Он оглядел гостиную, не касаясь вещей, просто скользя взглядом, и я вдруг увидела комнату его глазами: пыльный подоконник, кружка на подлокотнике дивана, мои ноги в домашних туфлях — я тут же зачем-то скинула туфли и осталась босиком.

— У тебя уютно, — сказал он. Голос у него был ниже, чем я помнила, с какой-то тёплой шероховатинкой.

Я предложила сесть. Он сел в кресло, а я на диван, напротив. Пока он говорил — что-то о переезде, о работе, о том, что случайно узнал мой адрес от общих знакомых, — я ловила себя на том, что не слушаю слов. Я слушала звук. Смотрела, как он держит бокал: длинные пальцы, никакой суеты. Ни одного лишнего движения. Я заметила, что мои колени повернуты в его сторону, и тут же одёрнула себя, села ровнее.

Но через минуту снова наклонилась вперёд, подперев подбородок рукой.

Он рассказывал что-то смешное из школьных времён — какую-то историю про спортзал, которую я напрочь забыла, — и я засмеялась. И пока смеялась, моя рука сама потяну-

лась к шее. Я провела пальцами по ключице, не думая, просто так, а потом заметила, что он на секунду замолчал и посмотрел на мои пальцы.

Я опустила руку. Стало жарко.

— Хочешь посмотреть второй этаж? — спросила я.

Это вырвалось. Я не планировала. Просто внутри что-то дёрнуло, как будто нужно было немедленно увести его из этой комнаты, где слишком яркий свет и слишком слышно моё дыхание.

— Показывай, — сказал он спокойно.

Мы поднялись по лестнице. Я шла первой и вдруг остро ощутила, что он смотрит на меня сзади. На мою спину. На то, как я ступаю. Я зачем-то замедлила шаг. На секунду представила, как он поднимает руку и касается моего плеча, и у меня закружилась голова — пришлось ухватиться за перила.

Наверху я показала ему спальню. Открыла дверь, впустила внутрь, а сама осталась стоять в проёме, прислонившись плечом к косяку. Я скрестила руки на груди, но не потому, что замёрзла. Просто мне казалось, что если я их не зафиксирую, они начнут делать что-то совсем глупое — поправлять

подушку, разглаживать покрывало, приглаживать то место рядом с собой.

Он обвёл комнату взглядом, задержался на окне.

— Светло, — сказал он.

— Да, — соврала я. Там было темно.

Мы постояли молча. Я чувствовала, как мои губы чуть приоткрылись сами собой, будто хотели что-то спросить. Я сжала их и улыбнулась — наверное, кривовато. Он посмотрел на меня, и в его взгляде не было ни усмешки, ни неловкости. Только спокойное, внимательное тепло, от которого мои щёки стали горячими.

— Пойдём вниз, — сказала я и первая шагнула к лестнице.

Весь оставшийся вечер я то откидывалась на спинку дивана, открывая шею, то, наоборот, сжималась в комочек, пряча в ладонях колени. Я то смеялась чуть громче, чем стоило, то замолкала и смотрела на его руки, пока он говорил. Я ловила себя на том, что покусываю губу — и тут же переставала. Что наклоняюсь к нему через стол, когда он тянется за бокалом.

Он говорил о своём. Просто, спокойно. Никаких двусмысленностей. Никаких подтекстов. Но каждый раз, когда он произносил моё имя, я чувствовала, как по позвоночнику пробегает электрическая капля.

Он ушёл в десять. Остановился в дверях, застегнул пальто — медленно, с каким-то старомодным достоинством.

— Хороший вечер, — сказал он. — Повторим?

Я кивнула. Просто кивнула. Не сказала ни «да», ни «конечно» — боялась, что голос сорвётся.

Он ушёл. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Потом медленно сползла по ней вниз, села на пол и закрыла лицо руками. Мои ладони всё ещё пахли вином — тем, которое он принёс.

Я сидела и глупо улыбалась в темноте прихожей, а внутри у меня дрожало что-то, чему я не знала названия, хотя на самом деле прекрасно его знала.

Глава 02. Встреча в кафе

Она предложила встретиться в кафе через три дня. Я согласился. Не потому что хотел — просто в моём расписании образовалась пустота между четырьмя и шестью, а пустоту я не люблю. Пустота — это непродуктивно.

Я пришёл на десять минут раньше. Занял столик у окна, заказал эспрессо. Кафе было среднее: деревянные столы, слишком громкая кофемашина, меню мелом на доске с ошибкой в слове «круассан». Я отметил ошибку и отвернулся к окну.

Она появилась впопыхах, растрёпанная, с сумкой, которая всё время соскальзывала с плеча. Я наблюдал, как она идёт по тротуару: шаг неровный, то ускоряется, то почти останавливается. Остановилась перед витриной, поправила волосы, потом одёрнула руку, словно уличила себя в чём-то. Я усмехнулся. Она всегда была предсказуема в своей непредсказуемости.

Когда она вошла, я встал. Не из вежливости — просто так удобнее оценивать человека: сверху вниз видно больше деталей. Она подошла, и я сразу заметил румянец на шее —

неровный, пятнами, как будто она бежала или волновалась. Скорее второе.

— Привет, — сказала она и тут же отвела глаза. Посмотрела на моё левое плечо, а не в лицо. Характерный жест.

— Привет. Садись.

Она села напротив. Заказала латте, хотя, уверен, хотела что-то другое, — слишком быстро пробежала глазами по меню, а потом ткнула в первое попавшееся. Я отметил, что у неё мелко дрожат пальцы, когда она опускает меню на стол.

— Как прошли эти дни? — спросила она.

Вопрос-заполнитель. Ей неинтересно, как прошли мои дни. Ей нужно что-то сказать, чтобы не молчать, потому что молчание она воспринимает как угрозу. Я это знаю. Я многое знаю про такие вещи.

— Продуктивно, — ответил я. — Закрыв пару вопросов.

Она кивнула с энтузиазмом, явно преувеличенным. Ей неинтересны мои закрытые вопросы. Я продолжил наблюдать.

Вот она берёт чашку — обхватывает двумя ладонями, хотя кофе только принесли и он горячий. Греет руки, хотя в кафе тепло. Жест уязвимости: ищет опору в предмете. Я делаю глоток эспрессо. Мой жест — прямой, без украшений.

— Я часто думала о том вечере, — говорит она и тут же краснеет. Не просто краснеет — заливается краской до корней волос. Удивительно, как быстро у неё это происходит.

— И что именно ты думала? — спрашиваю я ровно.

Она открывает рот, закрывает. Смотрит на пенку в чашке.

— Просто... было хорошо. По-настоящему.

— Да, — соглашаюсь я. — Неплохой вечер.

Я вижу, как она перебирает пальцами край салфетки. Сво-
рачивает уголок, разворачивает, снова сворачивает. Руки заняты — значит, мозгу не хватает контроля над телом. Её тело всё время хочет что-то делать: трогать волосы, поправлять воротник, крутить браслет на запястье. Она сейчас поправит волосы.

Она поправляет волосы. Отводит прядь за ухо, и я вижу, как блестит маленькая серёжка — простая, серебряная. Она,

кажется, вообще не носит дорогих вещей. Это осознанный выбор или отсутствие ресурса? Надо будет обдумать на досуге.

— Ты всегда такой? — спрашивает она вдруг.

— Какой?

— Ну... спокойный. Собранный.

— А каким мне быть?

Она смеётся — слишком громко, на долю секунды дольше, чем нужно. Я считываю это как попытку обаять. Уровень: базовый. Но что-то в этом смехе заставляет уголок моего рта дрогнуть. Не улыбка. Скорее, тень улыбки. Я её убираю.

— Не знаю, — говорит она. — Иногда мне кажется, что ты всё про меня понимаешь. И это немного... жутко.

— Я наблюдаю за людьми, — говорю я. — Это привычка.

— А за мной ты наблюдаешь?

— Разумеется.

Она снова краснеет. Боже, это происходит каждые три минуты. Я смотрю на её шею, туда, где пульсирует жилка, и на секунду задумываюсь: какова частота её пульса прямо сейчас? Вероятно, девяносто — девяносто пять. Тахикардия лёгкой степени, вызванная социальной тревожностью и, возможно, влечением. Второе — гипотеза. Проверить пока нечем.

Она говорит. Много говорит. Про свою работу, про скуку, про то, что дом слишком большой. Я слушаю — точнее, пропускаю через фильтр. Факты: одинока, не реализована, ищет смысл вовне, хотя проблема, очевидно, внутренняя. Эмоциональный интеллект ниже среднего, но компенсируется чувственностью. Интересно.

В какой-то момент она наклоняется через стол, чтобы взять сахарницу, и я чувствую запах её духов. Что-то цитрусовое, с горькой нотой. Она замирает, заметив, что я смотрю на неё. Её лицо в полуметре от моего. Я вижу мелкие морщинки у глаз, неровную линию подводки, чуть влажные губы — она только что облизнула их. Явно нервничает. Я не отодвигаюсь. Смотрю.

Она первая ломает дистанцию. Откидывается обратно на спинку стула, начинает говорить что-то про сахар и калории.

Отвлекающий манёвр. Шумовые данные.

— Ты красивая, — говорю я.

Это не комплимент. Это констатация. Я произношу это тем же тоном, каким сказал бы «кофе остыл». Но она замирает. Её зрачки расширяются — это физиология, не поддаётся контролю. Расширение зрачков в ответ на неожиданный позитивный стимул. Вероятность влечения возрастает.

— Спасибо, — говорит она шёпотом.

Я киваю. Делаю глоток эспresso. Кофе действительно остыл.

Остаток встречи проходит в том же ключе: она колеблется, как маятник, между напускной бодростью и внезапными провалами в молчание. Я поддерживаю ровный огонь беседы. Мне это несложно: я задаю вопросы, она отвечает, я анализирую. В какой-то момент я ловлю себя на том, что разглядываю её руки — тонкие запястья, коротко остриженные ногти без лака. Функциональная деталь: ногти без лака означают либо отсутствие интереса к украшению себя, либо отказ от определённых социальных кодов. Второй вариант интереснее.

Она ловит мой взгляд на своих руках и тут же прячет их под стол. Я поднимаю глаза на неё.

— Мне пора, — говорит она внезапно.

Я смотрю на часы: прошло пятьдесят две минуты. Эффективность встречи: выше среднего. Информация собрана.

— Хорошо, — говорю я. — Я позвоню.

Она кивает и встаёт. Торопится. Снова чуть не роняет сумку. Я встаю, помогаю ей накинуть пальто — мои руки на секунду задерживаются у её плеч. Она застывает. Я чувствую, как напрягаются мышцы под тканью. Она не дышит пару секунд.

— Спасибо, — говорит она, не оборачиваясь.

— Не за что.

Она уходит. Я смотрю ей вслед через окно кафе. Она переходит улицу, чуть не спотыкается о бордюр, затем ускоряет шаг, почти бежит. Я допиваю остывший эспрессо. Подзываю официанта, прошу счёт.

Оставляя чаевые, я замечаю на её стороне стола изорван-

ную в клочья салфетку. Собираю обрывки — зачем-то. Складываю в карман.

Это не сентиментальность. Просто мне интересно, что будет дальше.

Глава 03. Переезд

Он переехал в четверг. Я запомнила день, потому что четверг — это почти пятница, а пятница — это уже выходные, и получалось, что мы начинаем жить вместе на пороге свободы. Он привёз два чемодана, ноутбук, четыре книги в твёрдых обложках и кофемашину. Я смотрела, как он расставляет вещи в моём доме — теперь нашем, — и чувствовала, как внутри что-то расширяется и сжимается одновременно, будто лёгкие забыли, как дышать.

— Это временно, — сказал он, когда заносил чемоданы.

Я кивнула. Временно. Конечно. Я тоже кивнула, когда он впервые предложил это месяц назад: «Давай попробуем пожить вместе. Рационально: у тебя пустой второй этаж, у меня истекает аренда. Посмотрим, совместимы ли мы». Слово «рационально» резануло меня тогда, но я спрятала это чувство глубоко в живот, где уже жили все остальные неудобные чувства.

Теперь он стоял в моей кухне и подключал свою кофемашину к розетке.

— Твоя старая — катастрофа, — сказал он ровно. — Она не варит, а мучает воду.

Я хотела сказать, что люблю свою кофеварку, что она урчит, как кошка, и что от неё пахнет утром, но вместо этого я сказала:

— Да, конечно. Пользуйся своей.

Я стояла, прислонившись бедром к столешнице, и смотрела, как его пальцы ловко вставляют вилку в розетку. У него всё получалось ловко. Когда он двигался, в воздухе не было лишнего шума. Мои движения всегда сопровождались хаосом: я цеплялась за углы, роняла ложки, мои локти жили своей жизнью. Он был сделан из другого материала — более плотного, менее подверженного трению о мир.

Я заметила, что моя рука лежит на животе. Я убрала её, как только поняла. Потом заметила, что вторая рука теребит завязку на домашних штанах. Я скрестила руки на груди — жест обороны, который на самом деле означал: «Смотри, я спокойна». Но он не смотрел. Он настраивал помол.

— Я займу восточную комнату, — сказал он. — Там лучше свет по утрам.

— Да, конечно, — сказала я. Восточная комната была рядом с моей спальней. Через стенку. Я об этом не сказала.

Он поднялся наверх с чемоданами. Я не пошла за ним — боялась, что моё тело снова что-то выдаст. Вместо этого я осталась внизу и принялась переставлять чашки. Он уже успел переставить одну — мою любимую, с трещиной на боку. Она стояла не на том месте. Я вернула её обратно. И ещё раз проверила: все шесть чашек смотрели ручками строго на восток. На его комнату. Я развернула их на север. Потом снова на восток. Потом села на пол и засмеялась — тихо, чтобы он не услышал.

Вечером мы ужинали. Я приготовила пасту — слишком много масла, слишком мало соли, но он съел всё, не комментируя. Я сидела напротив и смотрела, как он накручивает спагетти на вилку: ровно три оборота, нитка к нитке, никакой свисающей лапши. Я свои съела неаккуратно, капнула соусом на стол, потянулась за салфеткой и опрокинула бокал. Вино потекло по белому — красное, как признание, которое я никогда не сделаю.

— Ничего страшного, — сказал он, поднимая бокал. Промокнул лужу своей салфеткой — одним движением, без суеты.

— Прости, — сказала я. — Я всегда всё проливаю.

— Я заметил.

В его голосе не было насмешки, только констатация. Я вдруг почувствовала, как горят щёки, и отвернулась к плите, якобы проверить чайник. Чайник не кипел. Я всё равно стояла к нему спиной и дышала в пустую конфорку.

Прошла неделя. Потом две. Мы выработали ритм, который я не решалась нарушить. Утром он вставал первым — я слышала его шаги над головой, ровные, спокойные, не такие, как мои. Я лежала в постели и представляла, как он стоит у окна восточной комнаты, и утренний свет падает на его лицо, и он смотрит вдаль, ни о чём не думая. У него наверняка было лицо человека, который ни о чём не думает. У меня никогда такого не получалось.

Я спускалась на запах его кофе. Он уже сидел за столом с ноутбуком и чашкой — белая фарфоровая, без рисунка. Моя чашка была с трещиной. Я брала её и садилась напротив, стараясь не шуметь. Мои глаза сами находили его руки на клавиатуре, его шею над воротником домашней рубашки, его скулы. Особенно скулы. Я чувствовала, как внутри что-то распускается — горячее, тянущееся к нему, как растение к солнцу. Я сжимала ноги под столом. Поправляла волосы.

Прикусывала губу и тут же отпускала, потому что он мог заметить. Он всегда замечал.

— Ты что-то хочешь спросить? — сказал он однажды утром, не поднимая глаз от экрана.

— Нет, — ответила я слишком быстро. — Просто смотрю.

— Хорошо.

Я ненавидела это «хорошо». Оно закрывало разговор, как дверь. Но дверь была прозрачной: я знала, что он видит меня сквозь неё.

Однажды ночью я не спала. Часа в три я вышла в коридор попить воды и увидела свет под дверью его комнаты. Я остановилась. Мои босые ноги примёрзли к полу. Я стояла в темноте в одной ночной рубашке и смотрела на полоску жёлтого света. Моя рука сама поднялась к двери — не стучать, просто коснуться. Я дотронулась до дерева кончиками пальцев. Тепло. Отдёрнула руку. Вернулась в спальню и легла лицом в подушку.

На следующий день я избегала его взгляда.

Через месяц он переставил мебель в гостиной. Сказал, что

так эргономичнее. Я не спорила. Мой дом становился его домом, и я не знала, радует меня это или пугает. Одно я знала точно: каждый раз, когда он проходил мимо меня, я чувствовала электричество в воздухе — на расстоянии ладони, на расстоянии вдоха. Он проходил, не касаясь, и каждое некасание было громче, чем удар.

Он ни разу не притронулся ко мне. Ни случайно, ни нарочно. Я тоже не трогала его — только глазами. Но мои глаза, наверное, делали это слишком громко, потому что иногда он поднимал взгляд и смотрел на меня долго, очень долго, а потом говорил: «Всё в порядке?» — и я отвечала: «Да, конечно», и он говорил: «Хорошо».

И я возвращалась в свою комнату, закрывала дверь, садилась на кровать и смотрела в стену, за которой он спал. Я представляла, как он лежит там — на спине, с ровным дыханием, с закрытыми глазами, спокойный, как океан в штиль. А я была волной, которая разбивается о берег. Каждую ночь. Раз за разом. Без причины. Без касания. Без слов.

Без него.

Глава 04. Чья – то личная собственность

Я проснулась раньше него. Такого почти не бывало — обычно он всплывал из сна первым, а я догоняла, выныривая из мутной глубины и цепляясь за его плечо. Но сегодня что-то сбилось. Я открыла глаза в сером рассвете и увидела его лицо на подушке — расслабленное, беззащитное, моё.

Моё.

Я смотрела на его сомкнутые веки, на линию рта, на тень от ресниц, и внутри у меня разливалось что-то горячее, собственническое, почти злое. Он спал, и я могла разглядывать его сколько угодно, без помех, без его спокойного взгляда, который всегда будто говорил: «Я тебя вижу». Сейчас он не видел. Сейчас он был просто телом — тёплым, красивым, принадлежащим мне. Я провела пальцем над его бровью, не касаясь. Потом коснулась. Он не шевельнулся. Я погладила его висок, скулу, подбородок. Мои пальцы шли по его лицу, как хозяйка идёт по дому, проверяя, всё ли на месте. Всё было на месте. Он был на месте. Рядом со мной.

Я придвинулась ближе. Наши бёдра соприкоснулись под одеялом. Я положила ладонь ему на грудь — туда, где сердце. Стучит. Моё сердце. Мой механизм. Мой человек. Я за-

крыла глаза и представила, что он не может без меня жить. Не может дышать. Что если я сейчас встану и уйду в другую комнату, он задохнётся во сне. Я улыбнулась в подушку. От этой мысли стало хорошо — стыдно и хорошо, и стыд только подогревал удовольствие.

Он заворочался, и я тут же притворилась спящей. Но он не проснулся — просто повернулся на бок, лицом ко мне, и его дыхание теперь было на моих губах. Я открыла глаза. Мы лежали нос к носу. Я смотрела на него и думала: ты — моё. Ты просто ещё не понимаешь, насколько ты моё. Ты думаешь, что ты отдельный. Что у тебя есть работа, мысли, прошлое, планы на вечер. Но это всё ерунда. Ты — часть меня. Ты дышишь, потому что я тебе разрешаю.

Я вдруг остро, почти до боли, ощутила его внутри себя — нет, не физически. Хуже. Он сидел у меня в голове. В крови. В каждой клетке. Когда он уходил из дома даже на час, я не могла найти себе места. Ходила из комнаты в комнату, трогала его вещи, открывала ноутбук и смотрела на погасший экран, только чтобы увидеть отражение той, кого он, предположительно, любит. Когда он разговаривал по телефону с кем-то другим — с коллегой, с другом, с кем угодно, — меня трясло. Я сидела в соседней комнате и ненавидела голос в трубке, ненавидела его внимание, направленное не на меня. Это моё внимание. Моё. Он купил его, сам того не зная, когда впервые посмотрел на меня тем долгим, спокойным взглядом. Теперь пусть расплачивается.

Я прикусила его мочку уха — легонько, играя. Он дёрнулся во сне, но не проснулся. Я поцеловала его в шею, потом в ключицу, потом в плечо. Мои поцелуи становились всё более жадными, почти вампирскими. Я хотела забраться к нему под кожу. Свить гнездо в грудной клетке. Жить там. Слушать сердце изнутри.

Он пошевелился. Ресницы дрогнули. Я тут же отстранилась и притворилась, что сплю. Сердце колотилось, как у вора, которого застали в чужом доме. Хотя дом был мой. И он был мой. Просто он ещё не усвоил это до конца. Ничего. Усвоит.

За завтраком он сидел напротив, пил свой кофе из белой чашки, просматривал новости в телефоне. Я смотрела на него и не могла есть. Кусок хлеба во рту превращался в бумагу. Мне казалось, что между нами слишком много пространства — целый стол. Зачем нам стол? Зачем нам отдельные чашки? Мы должны быть ближе. Гораздо ближе. Я должна сидеть у него на коленях. Нет — я должна быть его коленями. Его руками. Его дыханием.

— Ты сегодня какая-то тихая, — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Я просто думаю, — сказала я.

— О чём?

«О том, что я хочу залезть в тебя и никогда не вылезать», — подумала я, но вслух сказала:

— О том, что нам надо больше времени проводить вместе.

— Мы и так живём вместе.

— Этого мало.

Он поднял глаза. Я увидела в них проблеск того самого аналитического интереса, который меня когда-то сводил с ума. Теперь он меня тоже сводил с ума, но по-другому. Мне хотелось выцарапать этот интерес из него. Или спрятаться в нём. Или уничтожить его, чтобы он больше ни на кого так не смотрел.

— Мало? — переспросил он. — Мы спим в одной кровати, едим за одним столом и работаем в одном доме.

— Ты всё равно уходишь, — сказала я, и мой голос дрогнул. — В себя. В свои мысли. В свой телефон. Ты всё время где-то не здесь.

— Я здесь, — сказал он спокойно.

— Нет. Ты здесь, но не со мной. Ты со мной, но не весь.

Он отложил телефон — хороший знак, очень хороший, я сразу почувствовала прилив нежности.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Вопрос повис в воздухе. Я сидела у него на коленях, мои руки всё ещё обвивали его шею, моё лицо было в сантиметре от его лица, и тут он спросил это — спокойно, прямо, без подтекста. Просто вопрос. И я вдруг осознала, что не готова. Что весь мой собственнический угар, вся моя жадность, всё моё безумие, которое только что горело во мне, как бен-

зин, — всё это разом схлынуло и осталась только я. Глупая, неуравновешенная, краснеющая я.

— Я... — начала я и замолчала.

Мои пальцы, только что цепко державшие его затылок, вдруг разжались и соскользнули ему на плечи. Я опустила глаза. Уставилась на воротник его рубашки, на пуговицу, на то, как бьётся жилка у него на шее — ровно, спокойно, как метроном.

— Ну? — сказал он, и в его голосе не было ни насмешки, ни нетерпения. Только лёгкий интерес. Он ждал.

Я открыла рот. Закрыла. Мои щёки залило жаром. Я вдруг почувствовала себя школьницей, которую вызвали к доске, а она не выучила урок. Вернее, выучила, но теперь всё забыла. Все мои фантазии, все мои планы по его присвоению — куда они делись? Разлетелись, как птицы, оставив меня сидеть на его коленях с пустой головой и пылающими ушами.

— Может... — я сглотнула. — Может, куда-нибудь сходим?

— Куда?

— Я не знаю. Куда-нибудь. Вместе. Вдвоём.

— Это понятно. Куда конкретно?

Боже, зачем он всегда такой конкретный. Зачем ему всегда нужны детали, координаты, время, место. Я не могла думать о деталях. Я могла думать только о том, как его руки лежат на моей спине — просто лежат, не прижимают, не отпускают, — и как от этого у меня внутри всё плавится.

— Ну... — я начала теревить край его воротника. — Куда-нибудь. Где весело. Где шумно. Где горки.

— Горки?

— Ну да. Горки. Водные. Где вода. И хлорка. И эхо такое — а-а-а, — я зачем-то изобразила эхо и тут же возненавидела себя за это.

Он молчал. Я подняла глаза и увидела, что уголок его рта чуть приподнят. Не улыбка — намёк на неё. Он ждал продолжения. Он всегда ждал, когда я докопаюсь до сути, потому что сам он до сути добирался мгновенно, а я шла окольными путями через дебри собственного смущения.

— В аквапарк, — выпалила я.

Слово вылетело из меня, как пробка из бутылки, и тут же стало стыдно. Аквапарк. Господи. Я — взрослая женщина, которая только что мысленно присваивала его душу и тело, — предлагаю ему аквапарк. Как будто нам по двенадцать лет. Как будто это свидание в летнем лагере. Как будто я не мечтала о другом.

— То есть... — я замахала руками, чуть не заехав ему по носу. — Это не обязательно аквапарк. Это я так. Глупость сказала. Можно куда угодно. В кино. В театр. В парк. В ресторан. В другой город. В другую страну. В космос. Я не знаю. Просто — куда-нибудь. Вдвоём. Чтобы ты не работал. Чтобы телефон отключил. Чтобы...

— В аквапарк, — повторил он задумчиво.

Я замерла. Он пробовал слово на вкус, как пробует незнакомое блюдо — без гримасы, без оценки, просто изучая текстуру.

— Ну да, — прошептала я. — Глупо, да?

Я приготовилась к тому, что он скажет: «У меня много работы», или «В четверг дедлайн», или «Давай в другой раз». Это был его обычный репертуар. Его броня. Его способ дер-

жать дистанцию. Я уже мысленно отступила, уже начала слезать с его колен, уже открыла рот, чтобы сказать: «Ладно, забудь, это была идиотская идея», как вдруг он сказал:

— Хорошо.

Я застыла на полпути. Одна моя нога уже почти коснулась пола, вторая ещё лежала на его бедре. Я зависла в этом неудобном, дурацком положении и уставилась на него.

— Что?

— Я сказал — хорошо. Пойдём в аквапарк.

— Ты серьёзно?

— Я редко говорю то, чего не имею в виду.

Я медленно вернулась на его колени. Он не шутил. Его лицо было всё тем же — спокойным, ровным, без всплесков. Но в глазах что-то изменилось. Маленькая искра. Крошечная. Но я её увидела. Я всегда видела всё, что касалось его.

— Ты не скажешь, что занят? — спросила я, всё ещё не веря.

— Нет.

— Ты не отшутишься?

— Нет.

— Ты реально пойдёшь со мной в аквапарк? Где скользко, мокро, дети орут и вода пахнет хлоркой?

— Да.

— Ты. Ты — который носит рубашки, застёгнутые на все пуговицы, и говорит «продуктивно» и «целесообразно», — ты пойдёшь кататься с горок?

Он помолчал. Потом поправил прядь волос, упавшую мне на лицо, — медленно, аккуратно, заправил мне за ухо. Его палец на секунду задержался на моём виске. Я перестала дышать.

— Я пойду с тобой, — сказал он. — В субботу. В аквапарк. С горками.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри растекается что-то горячее, липкое, совершенно иррациональное. Он согласился. Он не стал отпираться. Он не спрятался за работу.

Он сказал «да». Мне. Моему дурацкому, детскому, нелепому предложению. И от этого простого «да» я вдруг почувствовала себя такой любимой, что на глаза навернулись слёзы.

— Эй, — сказал он, заметив. — Ты чего?

— Ничего, — я заморгала быстро-быстро. — Это просто... хлорка. Заранее глаза щиплет.

Он ничего не сказал. Просто посмотрел на меня своим долгим, спокойным взглядом, и уголок его рта снова дрогнул — на этот раз чуть заметнее. Почти улыбка. Почти нежность. Почти всё, что мне было нужно.

— В субботу, — повторил он.

— В субботу, — эхом отозвалась я.

Я уткнулась лицом в его плечо и зажмурилась. Внутри у меня всё пело, кричало, прыгало на одной ножке. Аквапарк. Он идёт со мной в аквапарк. Мы будем стоять в очереди на горку среди орущих детей. Мы будем есть сахарную вату. Мы будем мокрые, и с него сойдёт вся его невозмутимость, и он наконец станет просто человеком — моим человеком, — а не ходячим айсбергом в рубашке.

Я подняла голову и поцеловала его в щёку — звонко, мокро, совсем не элегантно.

— Спасибо, — прошептала я.

— Пока не за что. Ещё неизвестно, выдержи ли я очередь на «Чёрную дыру».

— Ты выдержишь, — сказала я твёрдо. — Ты всё выдержишь. Ты же у меня...

Я замолчала. Слово «у меня» застряло в горле, сладкое и опасное, как леденец, который вот-вот растает. Я не стала его проглатывать.

— Я же у тебя — что? — спросил он.

— Просто у меня, — сказала я и улыбнулась. — И в субботу ты идёшь в аквапарк.

Глава 05. Аквапарк

Они пришли в субботу, как договаривались. Он купил билеты — два взрослых, без скидок, без лишних вопросов. Она стояла рядом, переминалась с ноги на ногу и смотрела, как он достаёт карточку из бумажника. Его пальцы, его запонки, его спокойное лицо — всё это было таким чужим среди пластиковых пальм и криков «Мама, смотри, я плыву!». Она вдруг подумала: он здесь из-за меня. Он мог бы сидеть дома с ноутбуком, а он стоит в очереди в аквапарк. От этой мысли стало жарко в груди.

— Всё, — сказал он, протягивая ей браслет на руку. — Проходи.

Раздевалки были в разных концах коридора — мужская налево, женская направо. Она замерла у развилки, глядя, как он удаляется к своей двери. Его спина, его походка, его затылок. Он уходил в мужскую раздевалку. Один. Без неё.

Она зашла в женскую, встала под душ и включила горячую воду. Струи били по плечам, по лицу, по закрытым векам, а перед глазами стояло: он раздевается. Сейчас. В соседнем помещении. Снимает рубашку через голову — она

знала этот жест, она видела его сотню раз, но сейчас, здесь, он делал это один. Без неё. Кто-то может увидеть его плечи. Его грудь. Его ключицы, на которых она засыпала каждую ночь. Какой-нибудь мужик с пивным животом сейчас стоит в двух метрах от него и даже не понимает, на что смотрит. Не имеет права. Никто не имеет права.

Она намылила плечи слишком резко, чуть не поцарапав кожу ногтями. В голове крутилось: «Почему он не сказал: давай вместе? Почему не предложил подождать меня? Ему всё равно? Ему не важно, что кто-то увидит его голым? Или он хочет, чтобы кто-то увидел? Может, ему нравится? Может, он специально?» Она знала, что это бред. Знала, но не могла остановиться.

Потом они встретились у бассейна. Он уже ждал её — в тёмно-синих плавках, с полотенцем через плечо, с тем же выражением лица, с каким смотрел утренние сводки новостей. Капли воды ещё не высохли на его плечах. Её капли. Её плечи. Она быстро подошла и встала слишком близко — почти вплотную, обозначая территорию.

— Ну что, — сказал он. — С какой горки начнём?

— С любой, — ответила она, но глаза уже сканировали пространство.

Бассейн был полон людей. Слишком полон. Семьи с детьми, компании подростков, одинокие пловцы в очках. И женщины. Много женщин в купальниках. Вон та, в красном бикини, слишком стройная. Вон та, с длинными ногами, которые никогда не знали целлюлита. Вон та, блондинка, которая смеётся и запрокидывает голову, показывая шею. Длинную, ровную, без единой морщины. Она представила, как он смотрит на эту шею. Представила — и возненавидела блондинку мгновенно, горячо, как будто та уже успела что-то украсть.

— Пойдём на «Чёрную дыру», — сказал он.

— Да, — сказала она, но не двинулась с места. Её взгляд задержался на женщине в красном бикини. Та проходила мимо и — о боже — посмотрела на него. Просто скользнула взглядом, как люди скользят по лицам в толпе, но этого хватило. Внутри у неё вспыхнул пожар. Она взяла его за руку — резко, цепко, переплела пальцы. Он чуть удивлённо опустил глаза, но ничего не сказал.

Они пошли к горке. Очередь была длинной, и каждую секунду ожидания она использовала для досмотра. Женщина с ребёнком на руках — ничего, слишком занята. Девушка в компании друзей — смотрит на него? Нет, кажется, нет. Но

вон та, в зелёном слитном, точно скользнула взглядом по его торсу. Её рука сжалась сильнее. Он почувствовал и повернулся к ней.

— Всё в порядке?

— Да. Просто скользко.

Он кивнул и отвернулся. Он ничего не замечал. Он вообще никогда не замечал, когда на него смотрели другие. Она знала это. Он был устроен иначе: его внимание было направлено внутрь или на неё, и ни на кого больше. Но знание не помогало. Ревность не слушалась логики. Она жила в животе, в горле, в пальцах ног, она текла по венам вместе с кровью и требовала выхода.

Они забрались на горку. Он сел сзади, обхватил её руками за талию — инструктор велел. Его ладони легли на её живот, и на секунду она почувствовала облегчение. Его руки. Здесь. На ней. Не на ком-то другом. Они поехали вниз, и она закричала — от скорости, от воды, от того, что его тело прижималось к её спине и это было единственным, что имело значение во всей вселенной.

После горки они пошли в джакузи. Она села рядом с ним, но не просто рядом — прижалась бедром, положила голову

на плечо, закрыла глаза. Горячая вода бурлила вокруг, но горячее было то, что творилось у неё в голове. Она смотрела сквозь полуопущенные веки на людей в бассейне и думала: «Он мой. Вы не знаете, но он мой. Он спит в моей кровати. Он пьёт кофе из моей чашки. Его дыхание по ночам — моё. Его утренний голос — мой. Вы смотрите на него и видите просто мужчину, но вы ошибаетесь. Он не просто мужчина. Он — моя часть. Он — я».

Какая-то женщина в голубом купальнике проплыла мимо и улыбнулась — просто вежливая улыбка, дежурная, курортная. Она вскинулась, как от удара током.

— Ты её знаешь? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

— Кого?

— Женщину, которая сейчас проплыла. В голубом.

Он проследил взглядом.

— Нет. А должен?

— Она тебе улыбнулась.

— Здесь все улыбаются. Это аквапарк.

— Не все. Она — тебе.

Он помолчал. Потом чуть наклонил голову и посмотрел на неё своим обычным взглядом.

— Ты серьёзно?

Она ничего не ответила. Отвернулась. Ей вдруг стало стыдно — на секунду, на короткий проблеск, — но стыд тут же сменился новой волной ревности, потому что вон тот парень в дурацкой шапочке для плавания слишком долго смотрит в их сторону. Может, он смотрит на неё. А может — на него. Может, он вообще не парень. Может, он тоже хочет украсть его.

— Я хочу ещё на горку, — сказала она, вставая. Ей нужно было движение. В движении ревность немного отступала.

Они пошли на «Красный смерч». В очереди перед ними стояла пара — мужчина и женщина примерно их возраста. Женщина была симпатичная, с короткой стрижкой и смешными серёжками в виде ананасов. Она что-то говорила своему спутнику и жестикулировала, и в какой-то момент её рука случайно коснулась его плеча. Его. Её. Плеча.

Она застыла. Это было случайное касание — просто взмах руки в толпе, но для неё это было как пощёчина. Она уставилась на ананасовые серёжки, и в голове зазвучал голос: «Она его трогает. Она трогает его. Убери руку. Убери. Руку».

Женщина с ананасами, разумеется, ничего не заметила и продолжила болтать. А она стояла и чувствовала, как внутри закипает что-то тёмное, детское, неконтролируемое. Ей хотелось встать между ними — между ним и всем миром. Построить стену. Вырыть ров. Написать на нём табличку: «Моё. Не трогать».

— Ты опять, — сказал он тихо.

— Что — опять?

— Смотришь на незнакомых людей так, будто они тебе должны денег.

— Я не смотрю.

— Смотришь. У тебя взгляд, как у кошки перед дракой.

Она хотела возразить, но не успела — подошла их очередь. Она схватила его за руку и почти втокнула на горку

первой. Пусть все видят: он со мной. Он мой. Я здесь главная.

Они скатились. Брызги. Крики. Вода в носу. Она вынырнула из бассейна и сразу нашла его глазами. Он вынырнул следом, убрал мокрые волосы со лба, и она увидела, как на него смотрит девушка-спасатель. Просто выполняет свою работу, просто следит за безопасностью на аттракционе, но смотрит же. Смотрит. На него.

Она подплыла к нему и обняла за шею посреди бассейна. Люди огибали их, как риф. Её ноги обвили его бёдра под водой, она прижалась всем телом, и её губы почти касались его уха.

— Ты мой, — прошептала она.

— Вода мокрая, — сказал он ровно. — И вокруг люди.

— Плевать. Ты мой.

— Я в курсе. Мы живём вместе.

— Этого мало. Скажи, что ты мой. Просто скажи.

Он посмотрел на неё. Капли воды на её ресницах дрожали

— то ли от хлорки, то ли от напряжения. Её зрачки были огромными, тёмными, почти безумными. Он видел это. Он всё видел.

— Я твой, — сказал он.

Её лицо осветилось такой радостью, что на секунду стало почти детским — беззащитным, открытым, счастливым. Она поцеловала его в мокрую щёку и наконец отпустила.

Они выбрались из бассейна и пошли к лежакам. Она легла рядом, положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Её ладонь лежала на его животе, поднимаясь и опускаясь в такт дыханию. Теперь она была спокойна — почти. Каждые несколько минут она приоткрывала один глаз и проверяла, не смотрит ли кто-то на него. Потому что даже его «я твой», даже его рука на её плече, даже его дыхание под её щекой не могли до конца погасить тот пожар, который горел внутри. Ревность не гаснет от слов. Она только затихает ненадолго, чтобы потом вспыхнуть снова — от случайного взгляда, от улыбки, от касания в очереди за сахарной ватой.

Она знала это. И почти наслаждалась этим. Потому что, пока она ревновала, он был центром мира. А она — единственной, кто имел на него право.

Глава 06. Прошёл год

Год. Ровно год с того дня, как он стоял на пороге с бутылкой белого. Она помнила это с точностью до минуты — в 18:43 он позвонил в дверь, и с тех пор каждая минута её жизни отсчитывалась от этого звонка. Она готовилась к дате за неделю: купила новое платье, заказала его любимый десерт, расставила свечи по всему первому этажу. Он, спускаясь утром, обошёл свечи, как обходят лужи, и ничего не сказал.

Она ждала до вечера. Потом не выдержала.

— Где сюрприз? — спросила она, стоя в дверях кухни, пока он мыл свою белую чашку.

Он не обернулся.

— Какой сюрприз?

— Сегодня год. Ровно год, как ты пришёл. Я думала... — она замолчала. Её голос дрогнул, но она заставила себя продолжить. — Я думала, ты что-то приготовил. Что-то важное. Что-то... ну, знаешь.

Он выключил воду. Вытер руки полотенцем — медленно, тщательно, каждый палец отдельно. Повернулся.

— Я не понимаю, о чём ты.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри начинает звенеть пустота. Он правда не понимал. Его лицо было абсолютно спокойным, вопросительным, без тени игры. Он не притворялся. Он действительно не догадывался.

— Ну... — она облизнула губы. — Люди, когда живут вместе год... иногда... принимают решения.

— Какие решения?

— Кольцо, — выдохнула она. — Свадебное кольцо. Я думала, ты... Я думала, сегодня ты предложишь.

В комнате стало очень тихо. Капала вода из крана — она забыла завернуть его до конца. Он посмотрел на неё, потом на кран, потом снова на неё.

— Свадебное кольцо, — повторил он без вопросительной интонации. Просто констатировал факт, который только что поступил ему на обработку.

— Да, — прошептала она. — Или... или хотя бы расписка. Тихая. Без гостей. Просто мы вдвоём и документ. Чтобы всё по-настоящему.

Он молчал. Она видела, как в его глазах происходит вычисление — быстрое, безжалостное, как калькуляция. Он взвешивал её слова и, кажется, уже пришёл к результату.

— Я ничего тебе не обязан, — сказал он.

Это было сказано тихо. Без злости. Без раздражения. Просто информация. Но она почувствовала себя так, будто ей в грудь вогнали кол.

— Что? — её голос сорвался.

— Я не обязан жениться на тебе. И свадьбы не будет. И росписи не будет. Я никогда этого не обещал.

— Но... год. Мы живём вместе год.

— Год — это единица измерения времени, а не обязательство.

Она стояла и смотрела на него, и его лицо расплывалось,

потому что глаза наполнились слезами. Он не двинулся. Не шагнул к ней. Не протянул руку. Просто стоял и ждал, пока информация дойдёт до адресата.

— Ты не хочешь на мне жениться, — сказала она одними губами.

— Я не хочу жениться вообще. Это не имеет отношения к тебе лично. Брак — это социальный конструкт, в котором я не вижу рационального смысла.

— Рационального смысла? — она почти выкрикнула это. — А я? Я — рациональный смысл? Год моей жизни — рациональный смысл? То, что я каждый день просыпаюсь с мыслью о тебе, — это тоже какой-то конструкт?

— Ты просыпаешься с мыслью обо мне, потому что мы спим в одной кровати. Это логично.

Она засмеялась — страшно, надтреснуто. Смех перешёл в рыдание мгновенно, как будто кто-то переключил тумблер. Она закрыла лицо руками и выбежала из кухни. Он не пошёл за ней.

Она проплакала два дня и ночь.

В первый день она плакала громко — в подушку, но так, чтобы он слышал. Она хотела, чтобы он пришёл. Чтобы постучал в дверь спальни. Чтобы сказал: «Я передумал, я ошибался, давай поженимся завтра же». Он не пришёл. Она слышала его шаги в коридоре — он проходил мимо двери спокойно, ровно, как будто за стеной не умирала женщина, которая любит его больше всего на свете. Как будто её слёзы были фоновым шумом, вроде дождя за окном.

На второй день она плакала тихо. Сил на громкие рыдания не осталось. Она лежала, свернувшись в клубок, и смотрела в стену. Та самая стена, через которую она когда-то слушала его дыхание. Теперь она слушала тишину, и тишина была оглушительной. Она не ела. Не вставала. Не умывалась. Вода в стакане на тумбочке покрылась пылью.

На третье утро она проснулась с пустотой. Не с грустью — грусть была до этого. Теперь была именно пустота: серая, плотная, бездонная. Депрессия. Она узнала её — старая знакомая, они уже встречались когда-то, до него. Тогда он вытащил её одним своим присутствием. Теперь он же и загнал её обратно.

Она спустилась вниз в три часа дня, хотя было утро. Он сидел за столом с ноутбуком. Чашка белого кофе стояла слева от клавиатуры — как всегда. Ничего не изменилось в его

мире. Ни одна чашка не сдвинулась.

— Я не спала, — сказала она. Её голос был сиплым, чужим.

— Я слышал, — сказал он, не поднимая глаз.

— Я плакала два дня.

— Я знаю.

— И ты не пришёл.

— А что бы это изменило? Ты плакала, потому что реальность не совпала с твоими ожиданиями. Это не мне нужно было исправлять. Это твоим ожиданиям нужно было корректироваться.

Она смотрела на него и не узнавала. Хотя узнавала, конечно. Он всегда был таким. Он всегда говорил то, что думал. Просто раньше она переводила его холодность на свой язык и называла это сдержанностью. Теперь переводчик сломался.

— Ты меня не любишь, — сказала она.

— Это неправда. Я здесь. Я с тобой. Я не ушёл.

— Но ты не женишься.

— Любовь и брак — это разные переменные. Они не всегда коррелируют.

— Да что ты такое говоришь?! — она ударила ладонью по столу. Его чашка подпрыгнула, кофе выплеснулся на скатерть. Он посмотрел на лужу, потом на неё.

— Я говорю правду. Ты хочешь, чтобы я врал?

— Я хочу, чтобы ты чувствовал! Чтобы ты был человеком, а не ходячим калькулятором!

Он закрыл ноутбук. Это был плохой знак — он никогда не закрывал ноутбук посреди работы.

— Я чувствую, — сказал он. — Просто мои чувства не упакованы в ту форму, которая тебе удобна. Я не хочу жениться. Это не значит, что я не хочу быть с тобой. Это значит, что слово «жена» для меня ничего не добавляет к тому, что уже есть. А для тебя, как я понимаю, добавляет всё.

— Да! — закричала она. — Да, добавляет! Потому что это значит, что ты выбрал меня! Навсегда! Что ты не уйдёшь!

— Я не собираюсь уходить. Но и обещать «навсегда» я не буду. Это нерационально. Никто не знает, что будет через пять лет.

— Я знаю! Я знаю, что я буду любить тебя через пять лет! И через десять! И когда мы оба будем старые и страшные!

— Ты не можешь этого знать. Ты можешь только хотеть этого.

Она опустилась на стул. Ноги не держали. Она смотрела на кофейную лужу на скатерти, и ей казалось, что это её жизнь — расплывчатое пятно на белой ткани.

— Ты не оставляешь мне выбора, — прошептала она.

— Выбор всегда есть. Ты можешь принять мои условия. Или не принять.

— Твои условия? Ты говоришь о нас, как о контракте.

— Любые отношения — это контракт. Просто большинство людей не читают мелкий шрифт.

Она заплакала снова — на этот раз молча. Слёзы текли

по лицу и капали на скатерть, смешиваясь с кофе. Он сидел напротив и смотрел на неё. В его глазах было что-то — может быть, жалость, может быть, усталость, — но он не двинулся. Не обнял. Не вытер слёзы.

И тогда она попробовала по-другому.

— Я для тебя всё сделала, — сказала она глухо. — Я пустила тебя в свой дом. Я отдала тебе половину своей жизни. Я сплю с тобой, я готовлю тебе, я жду тебя каждый вечер. Ты хоть понимаешь, сколько я вложила в это? В тебя?

— Понимаю. Но я не просил тебя вкладывать.

— Ах, не просил? — она подняла голову, и в её глазах блеснуло что-то злое. — Ты просто пришёл и взял. Мой дом, мою кровать, мои чувства. Ты их взял, как будто так и надо.

— Ты сама предложила. Я не отнимал.

— Но ты пользовался!

— Пользовался — неподходящее слово. Я принимал. С благодарностью. Но благодарность не равна долгу.

— Ты мне должен! — она почти кричала. — Должен хотя

бы это! Кольцо! Это такая малость! Просто колечко, просто бумажка, просто слово «жена»! Это так сложно для тебя? Ты не можешь сделать мне этот подарок?

— Подарок, который ты выбиваешь истерикой и давлением на совесть, — это не подарок. Это дань.

— Да пусть дань! Мне всё равно, как это называется!

— А мне не всё равно.

Она замолчала. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым, как вода в бассейне, где она когда-то обнимала его и шептала: «Ты мой». Тогда ей казалось, что она победила. Что её любовь растопила его лёд. Теперь она поняла: лёд не таял. Он просто был прозрачным, и она видела сквозь него то, что хотела видеть.

— Ты меня уничтожаешь, — сказала она без выражения.
— У меня депрессия. Ты понимаешь это? Клиническая. Я не могу встать с кровати. Я не могу есть. Я не могу дышать. И тебе всё равно.

— Мне не всё равно. Но я не могу вылечить тебя кольцом. Это сломанная логика.

— А ты попробуй! — она вскочила, схватила его за руку. — Попробуй, пожалуйста! Просто попробуй! Сделай вид, что тебе не плевать! Купи мне кольцо, скажи, что мы вместе навсегда, — и я выздоровею! Я обещаю! Я стану нормальной!

Она давила изо всех сил. В ход пошло всё: её опухшее лицо, дрожащие губы, трясущиеся руки. Она вложила в этот момент всю свою боль, всю свою бездонную нужду в нём, всю свою готовность развалиться на части, лишь бы он собрал её обратно.

Он посмотрел на её руку, вцепившуюся в его запястье. Потом поднял глаза.

— Нет.

Одно слово. Ровное. Спокойное. Окончательное.

Она отпустила его руку. Села обратно на стул. Слёзы кончились — просто кончились, как будто внутри пересох источник. Она смотрела перед собой и видела только серую пустоту. Год назад он позвонил в её дверь. Сегодня он закрыл её сердце.

— Я тогда не знаю, зачем ты здесь, — сказала она шёпо-

том.

— Я здесь, потому что выбрал быть здесь. Пока ты не выгонишь меня или пока я не решу уйти. Это единственные условия.

Она промолчала. Он встал, взял свою чашку и пошёл к раковине. Вода потекла из крана. Чашка звякнула о сушилку. Шаги — в коридор, вверх по лестнице, в восточную комнату. Тишина.

Она сидела на кухне до темноты. Свечи, которые она поставила к годовщине, так и стояли нетронутыми. Воск застыл, фитили почернели. Она не зажгла ни одной. И он не заметил. И теперь ей казалось, что он никогда ничего не замечал. А она — замечала всё. В этом и была разница. В этом и был приговор.

Глава 07. Апатия

Две недели. Она считала их не по календарю — по тому, как менялось её лицо в зеркале. С каждым днём в нём прибавлялось чего-то нового: трещинка у рта, которой раньше не было, тень под скулой, припухлость век. Она разглядывала себя подолгу, поворачивая голову то влево, то вправо, и думала: «Вот так я выгляжу, когда меня не хотят».

Первые дни она ещё надеялась, что он передумает. Что он войдёт в спальню, сядет на край кровати и скажет: «Я был неправ. Я погорячился. Конечно, мы поженимся». Она прокручивала эту сцену в голове десятки раз, меняя реплики, как в театре. В одной версии он плакал. В другой — молча протягивал коробочку. В третьей — просто обнимал её сзади, пока она мыла посуду, и шептал в затылок: «Прости меня». Ни одна из этих сцен не случилась.

Он жил свою обычную жизнь. Кофе, ноутбук, душ, сон. Его маршруты по дому не изменились. Он не стал обходить её стороной — он просто проходил сквозь её страдание, как проходят сквозь туман: неприятно, но не смертельно.

Она начала экспериментировать с молчанием. Сначала —

просто чтобы посмотреть, заметит ли он. Не заметил. Потом молчание переросло в игру: сколько она продержится, не произнеся ни слова? Час? Три? Полдня? Рекорд составил восемь часов. За это время он спросил её только: «Ты будешь ужинать?» — и, получив в ответ тишину, пожал плечами и поел один. Она сидела напротив и смотрела, как он жуёт. Он не смотрел на неё. Она проиграла — не ему, а себе. Он даже не знал, что участвует.

Потом был период вопросов. Она задавала их мысленно, выстраивая длинные диалоги в голове. «Если ты не хочешь жениться, зачем ты вообще переехал?» — «Потому что ты предложила, и это было рационально». — «А чувства?» — «Чувства не требуют формальностей». — «А я требую». — «Это твой выбор». Диалоги всегда заканчивались его победой. Даже в собственной голове она не могла его переспорить, и это бесило её больше всего.

На пятый или шестой день она решила попробовать другой метод: идеальность. Если он не хочет жениться на ней нынешней — может, он захочет на ней улучшенной? Она приготовила ужин из трёх блюд. Убрала весь дом. Купила новое платье — облегающее, тёмно-зелёное, с вырезом, который стоил ей половины зарплаты. Встретила его в этом платье, с улыбкой, с бокалом вина. Он посмотрел на неё, сказал: «Красивое», — и пошёл мыть руки. Всё. Она стояла посреди

гостиной в своём зелёном платье и чувствовала себя душой. Платье полетело на верхнюю полку шкафа. Ужин остыл. Она съела его одна, стоя у кухонного окна, глядя на дождь.

Потом была попытка ревности. Она придумала себе поклонника — вымышленного коллегу, который якобы делает ей комплименты. Рассказала ему за завтраком, небрежно, как бы между прочим. Он поднял бровь и сказал: «Приятно, когда тебя ценят». И всё. Ни ревности, ни вопроса «кто это?», ни единого лишнего взгляда. Она поняла: он либо слишком ей доверяет, либо ему всё равно. И то, и другое было ужасно.

К концу первой недели она поймала себя на том, что копирует его. Это случилось незаметно. Просто однажды утром она поймала своё отражение в тостере и увидела, что у неё такое же лицо, как у него: спокойное, ровное, без эмоций. Она испугалась. Она не хотела становиться им. Она хотела, чтобы он стал ею — тёплым, смешливым, немного безумным. А вместо этого её затягивало в его холод. Она трясла головой, щипала себя за щёки, чтобы вернуть румянец. Но румянец не возвращался.

Она начала разговаривать с его вещами. С чашкой, из которой он пил. С его ноутбуком, который он оставлял на столе. С его подушкой, на которой оставалась вмятина от голо-

вы. «Ну что, — говорила она подушке, — сегодня он опять ничего не сказал. Как ты думаешь, он вообще замечает, что я здесь?» Подушка молчала. Она была на его стороне.

На десятый день она встала в пять утра. Не спалось. Она спустилась на кухню и села за стол в темноте. Через час пришёл он — удивился, увидев её.

— Ты рано, — сказал он.

— Я не спала.

— Почему?

— Думала.

— О чём?

— О том, что ты всё ещё здесь.

— А где мне быть?

— Не знаю. Но ты всё ещё здесь. И я всё ещё здесь. И мы не поженимся.

— Нет. Не поженимся.

Она кивнула. Он включил кофемашину. Запахло кофе. Она смотрела на его спину, пока он возился с чашкой, и вдруг почувствовала странное спокойствие — не принятие, а что-то другое. Как будто внутри неё закончился бензин. Двигатель больше не заводился. Она просто сидела и смотрела.

— Я думаю, нам нужно пойти к кому-то, — сказал он, не оборачиваясь.

— К кому-то — это к кому?

— К психологу. К семейному.

Она не взорвалась. Не заплакала. Не закричала «ты считаешь меня сумасшедшей?». Она просто сидела и переваривала. Психолог. Семейный. Это слово — «семейный» — всё ещё что-то значило для неё. Меньше, чем две недели назад. Но что-то.

— Зачем тебе это? — спросила она.

— Потому что мы ходим по кругу. Я говорю одно, ты слышишь другое. Возможно, нужен переводчик.

— Ты хочешь, чтобы тебе перевели меня на понятный тебе язык.

— Хочу, чтобы нам перевели нас.

Она помолчала. Он сел напротив с чашкой. Пар поднялся над кофе, и его лицо за паром казалось размытым, почти нерезким — как будто он уже начинал исчезать из её жизни, просто она ещё этого не знала.

— Хорошо, — сказала она.

— Хорошо?

— Да. Но я выберу, к кому идти.

— Выбирай.

Она выбрала женщину. Это было важно — чтобы женщина. Мужчина-психолог мог встать на его сторону, мужчины всегда понимали друг друга в вопросах брака, думала она. А женщина поймёт её. Женщина объяснит ему, что такое год ожидания, что такое слово «навсегда», что такое тикающие часы внутри. Она записала их на приём через четыре дня — ближайшее свободное окно.

Оставшиеся дни прошли в странном затишьи. Она больше не кричала, не молчала демонстративно, не готовила ужины из трёх блюд. Она просто существовала рядом с ним, как ослабший магнит: ещё тянет, но уже не держит. Она иногда ловила себя на том, что смотрит на него и ничего не чувствует. Это было страшнее слёз.

В день приёма она оделась просто — джинсы, свитер, никаких зелёных платьев. Он был в рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Они вышли из дома. Она задержалась на пороге, чтобы запереть дверь, и мельком глянула на часы в телефоне. 18:43. Она моргнула. Ровно две недели, минута в минуту, с того разговора на кухне. Ей захотелось сказать ему: «Смотри, 18:43, как тогда». Но она не сказала. Он бы не понял значимости. Он вообще не понимал значимости цифр, дат, годовщин. Для него время было просто временем, а для неё — картой, на которой каждая минута была отмечена флажком.

Они сели в машину. Он завёл мотор. Она смотрела в окно, как проплывают дома, деревья, люди. Где-то впереди был кабинет психолога — женщина с мягким лицом и дипломом на стене. Может быть, она поможет. Может быть, рассудит. Может быть, объяснит ему, что свадьба — это не «социальный конструкт», а обещание. Может быть, объяснит ей, что кольцо — это не гарантия. Может быть, они выйдут оттуда, держась за руки.

А может быть, она просто в последний раз сидела в его машине, глядя на его профиль, и думала: вот человек, которого я люблю, и вот человек, который меня уничтожает, и это один и тот же человек.

Машина притормозила у светофора. 18:47. Четыре минуты с того самого момента. Она закрыла глаза. Загорелся зелёный.

Глава 08. Проходи, не задерживайся

Он припарковался и заглушил двигатель. Она не выходила. Он не торопил — привык. Она часто задерживалась в машине перед выходом, собираясь с мыслями или просто досматривая что-то в телефоне. Он ждал.

Но телефона в её руках не было. Она смотрела в окно. На парковке шла женщина с собакой — ничего особенного. Он заметил, что её взгляд задержался на этой женщине дольше обычного. Не просто скользнул — зацепился, поехал следом, как крючок по ткани. Женщина скрылась за углом. Её взгляд переместился на другую — молодая, в красном пальто, с наушниками. Тоже ничего примечательного. Но она провожала её до самой двери соседнего офиса.

Он наблюдал за ней без тревоги. Просто отмечал. Она всегда была внимательна к людям — может, даже слишком. Помнила лица официанток, замечала новые серёжки у кассирш, могла описать женщину из очереди с такой детализацией, будто та была её близкой знакомой. Он привык считать это особенностью её восприятия: она жила в мире, где

каждый человек имел значение. Его собственный мир был устроен иначе — люди в нём были фоном, функцией, переменной. Он не замечал чужих лиц, потому что они не имели к нему отношения. Она замечала всё. Это было частью её, и раньше это не мешало.

Сейчас он просто смотрел, как она смотрит. Её губы чуть шевелились — он знал эту привычку. Она часто проговаривала что-то про себя, когда думала. Иногда он спрашивал: «Что ты сказала?» — и она отвечала: «Ничего, это я так». Он перестал спрашивать. Это была её внутренняя кухня.

По тротуару прошла женщина с коляской. Он заметил, как её спина чуть выпрямилась — едва уловимое движение, как у человека, который увидел что-то, требующее внимания. Она смотрела на коляску, на женщину, на то, как та поправляет плед. В этом не было ничего угрожающего — просто молодая мать гуляет с ребёнком. Но её взгляд был таким плотным, таким сосредоточенным, что он на секунду отвлёкся от своих мыслей и задумался: что она там видит?

Раньше он бы не задумался. Раньше её взгляды на прохожих не попадали в зону его внимания. Они не имели последствий. Она смотрела на людей — и что? Она вообще много на что смотрела: на витрины, на облака, на трещины в асфальте. Это был просто шум, фоновая активность её нерв-

ной системы.

Но теперь, сидя в машине перед кабинетом психолога, он смотрел на неё внимательнее, чем обычно. Не потому - что она изменилась. Она не изменилась. Просто контекст изменился. Две недели назад она спросила про свадебное кольцо так, будто это был решённый вопрос. Он сказал «нет» — и её реакция оказалась больше, чем он ожидал. Он не ожидал двух дней слёз. Не ожидал, что она будет лежать лицом к стене и не есть. Не ожидал, что она будет носить его рубашку и разговаривать с его чашкой. Это всё ещё не пугало его — он вообще редко пугался, — но заставило пересмотреть некоторые допущения.

Допущение первое: она эксцентрична, но безобидна. Допущение второе: её странности — это часть её обаяния. Допущение третье: её ревность — это даже мило.

Теперь он смотрел на то, как она провожает взглядом женщину в деловом костюме — та прошла мимо машины с папкой, не глядя в их сторону, — и думал: а что, если это всегда было не мило? Что, если это всегда было симптомом, а он просто не давал себе труда его заметить? Не потому - что был слеп. А потому что симптом не причинял неудобств.

В аквапарке она смотрела на женщин в купальниках. Он

помнил это, но тогда не придал значения — аквапарк есть аквапарк, там все смотрят на всех. В кафе она буравила глазами официантку, которая слишком долго принимала у него заказ. Он помнил, как официантка нервничала, но списал на её неопытность. В супермаркете она сказала что-то резкое кассирше, и та удивилась, а он подумал: у неё просто плохое настроение. И так каждый раз. Каждый эпизод по отдельности был объясним. Ни один не требовал вмешательства.

Но сейчас он складывал их в цепочку, и цепочка выстраивалась сама — без его участия, как будто кто-то включил свет в комнате, где он жил уже год и не знал, какого цвета стены.

Она смотрела на женщину с собакой. Собака была смешная, лохматая, прыгала вокруг хозяйки. Хозяйка улыбалась. Обычная сцена. Он перевёл взгляд на неё — её лицо было напряжено, губы сжаты, пальцы на коленях сведены. Она не улыбалась. Она смотрела на эту женщину так, будто та отняла у неё что-то, чего он не мог назвать.

Он не чувствовал тревоги. Он чувствовал интерес — тот самый, аналитический, который когда-то заставил его наблюдать за ней в кафе, отмечая расширенные зрачки и дрожащие пальцы. Тогда она была объектом исследования. Теперь она была его женщиной, и исследование продолжалось

— просто предмет стал ближе. Гораздо ближе.

— Мы идём? — спросил он.

Она не ответила. Её взгляд перескочил на новую проходную — женщина в сером плаще, с букетом. Она смотрела на букет. На руки, которые его держали. На лицо, которое над букетом склонялось. Её губы беззвучно шевельнулись.

Он не стал вслушиваться. Вместо этого он открыл свою дверцу, обошёл машину и открыл дверцу для неё. Это была старая привычка, которую он не пересматривал. Она вздрогнула, оторвалась от окна, посмотрела на него — её лицо смягчилось за секунду.

— Пойдём, — сказала она.

Они пошли ко входу. Она держала его под руку. По дороге она обернулась через плечо — на женщину с букетом. Та уже шла в другую сторону, но она всё равно проводила её взглядом, коротким и цепким, как укол. Он заметил. Ничего не сказал.

В приёмной было пусто. Они сели на диван. Зелёная лампа гудела. Он смотрел на дверь кабинета и думал о том, что через несколько минут они окажутся внутри, и там будет

женщина — психолог, которую она выбрала сама. Женщина будет задавать вопросы. Женщина будет смотреть на него. Женщина будет с ним в одной комнате.

Он перевёл взгляд на неё. Она сидела, положив ногу на ногу, и смотрела на дверь кабинета. Её лицо снова было напряжено. Её губы снова шевелились. Он мог бы спросить: «Что ты говоришь?» Но он не спросил. Потому что теперь, кажется, знал ответ.

Он откинулся на спинку дивана и стал ждать 19:20. Её характер всё ещё был её характером. Просто теперь он видел его контуры чётче. И контуры эти были не такими милыми, как ему казалось раньше. Но это всё ещё была она. И он всё ещё был здесь.

Глава 09. Приём у психолога: от лица мужика

Дверь кабинета открылась. Женщина в сером костюме — лет пятьдесят, очки в тонкой оправе, волосы собраны в пучок — стояла в проёме и мягко улыбалась. Он отметил: улыбка профессиональная, но не фальшивая. Достаточно тёплая, чтобы обезоружить, достаточно нейтральная, чтобы не вторгаться.

— Добрый вечер. Проходите, пожалуйста.

Он пропустил её вперёд. Она вошла первой — быстрым шагом, как входят в зал суда, где вот-вот решится твоя судьба. Он следом.

Кабинет был ожидаемым: два кресла напротив третьего, журнальный столик с коробкой салфеток, книжный шкаф вдоль стены, окно с жалюзи, на подоконнике — фиалка в горшке. Ничего лишнего. Ничего пугающего. Он занял левое кресло, она — правое. Психолог села напротив, положила на колени блокнот, но не открыла его.

— Давайте начнём с простого. Как вы хотите, чтобы я к вам обращалась?

Она назвала своё имя. Он — своё. Психолог кивнула, не записывая. Он заметил это — не записывает, значит, тренированная память или хочет создать иллюзию неформальности. В любом случае, грамотно.

— Расскажите, что привело вас сюда.

Повисла пауза. Он ждал, что она начнёт первой — она всегда начинал первой. Но она молчала, глядя в пол, и теребила край свитера. Тогда он заговорил сам.

— У нас возник конфликт. Она хочет заключить брак. Я не вижу в этом необходимости. Мы не можем прийти к соглашению, и это создаёт напряжение. Она предложила обратиться к специалисту. Я согласился.

Он говорил ровно, без эмоций, как излагал бы проектно-му менеджеру суть разногласий по контракту. Психолог слушала, слегка наклонив голову. Когда он закончил, она перевела взгляд на неё.

— Вы хотите что-то добавить?

Она подняла глаза — сначала на психолога, потом на него. Её лицо было напряжено, но она держалась.

— Да, — сказала она. — Всё так. Только он упустил, что мы живём вместе год. И что он переехал в мой дом. И что мы спим в одной кровати. И что я готовлю ему ужин. И что для меня это важно — не просто бумажка, а чтобы он сказал: «Ты моя навсегда». А он говорит: «Я ничего тебе не обязан».

Последние слова она произнесла с той особенной интонацией, которую он уже выучил за две недели, — смесь обвинения и мольбы. Психолог кивнула.

— Я слышала вас обоих. Давайте попробуем разобраться. Вы сказали, что не видите необходимости в браке. Что для вас брак?

— Социальный институт. Юридический договор. Культурный ритуал.

— А для вас? — психолог повернулась к ней.

— Для меня это обещание. Что он не уйдёт. Что он выбрал меня. Что я — его, а он — мой. По-настоящему.

— Когда вы говорите «по-настоящему» — что это значит?

— Это значит — перед всеми. Перед законом. Перед людьми. Чтобы не было так, что он в любой момент может собрать чемодан и уйти, и я даже никем ему не прихожусь.

Психолог помолчала. Он смотрел на неё — не на психолога, на неё. Она сидела, сжав руки на коленях, и говорила, глядя куда-то между ними. Ему вдруг пришло в голову, что он никогда не спрашивал у неё вот так — «что для тебя брак». Она говорила о кольце, о свадьбе, о «навсегда», но он никогда не раскладывал её слова на смыслы. Он просто отмечал их как запрос и отказывал, потому что запрос был нерационален. Но сейчас, слушая её ответ, он подумал: она боится, что я уйду. Это не про кольцо. Это про страх. А страх — это рационально.

— Хорошо, — сказала психолог. — Теперь я хочу понять: когда вы обсуждали этот вопрос дома, как это происходило? Кто начинает разговор? Как вы реагируете?

— Она начинает, — сказал он. — Обычно вечером. Я слушаю. Потом отвечаю.

— И что вы отвечаете?

— То, что думаю. Что брак ничего не изменит в моём от-

ношении к ней. Что я не собираюсь уходить. Что формальности не добавят мне чувств.

— А вы, — психолог повернулась к ней, — что вы слышите, когда он это говорит?

— Я слышу: «Ты для меня недостаточно важна, чтобы я пошёл на этот шаг». Он говорит: «Я не собираюсь уходить», а я слышу: «Я оставляю себе возможность уйти». Он говорит: «Брак ничего не изменит», а я слышу: «Ты ничего не значишь».

Он хотел возразить — это не то, что я имел в виду. Но психолог его опередила:

— Вы сейчас слышите, как по-разному воспринимаются одни и те же слова? — она посмотрела на него. — Вы говорите одно. Она слышит другое. Это не значит, что кто-то из вас неправ. Это значит, что у вас разные языки.

Он задумался. Разные языки. Он никогда не думал об этом в таких терминах. Он полагал, что слова — это носители фиксированных значений. Он говорил «я не уйду» — и это означало «я не уйду». Но для неё это означало «ты уже одной ногой за дверью». Это было... нелогично. Но он не мог отрицать, что это было фактом её восприятия. А факты

он уважал.

— Давайте попробуем упражнение, — сказала психолог.
— Повернитесь друг к другу. Вы, — она обратилась к нему,
— скажите ей: «Я здесь, потому что выбрал быть с тобой». А вы просто выслушайте и скажите, что вы слышали.

Он повернулся к ней. Её глаза были влажными, но слёзы пока не текли. Она смотрела на него с тем же выражением, что и две недели назад на кухне, — надежда пополам с ожиданием удара.

— Я здесь, потому что выбрал быть с тобой.

Она моргнула. Её губы дрогнули.

— Я слышала: «Я тебя люблю, но не настолько».

Психолог кивнула.

— Теперь вы, — она обратилась к ней. — Скажите ему: «Я хочу свадьбу, потому что боюсь тебя потерять». А вы просто слушайте.

Она сглотнула.

— Я хочу свадьбу, потому что боюсь тебя потерять.

Он выслушал. И впервые — может быть, впервые за все их месяцы — он услышал не требование, не ультиматум, не истерику. Он услышал страх. Простой, человеческий, голый страх. Это меняло дело.

— Я услышал: «Ты важен для меня настолько, что мысль о твоём уходе невыносима», — сказал он.

Она замерла. Психолог слегка улыбнулась.

— Хорошо. Вы только что поговорили на одном языке.

Оставшаяся часть приёма прошла в том же ключе. Психолог задавала вопросы, они отвечали — сначала порознь, потом друг другу. Она рассказала про аквапарк — не как про весёлый день, а как про день, когда она считала каждую женщину, посмотревшую на него. Он впервые услышал об этом. Она рассказала про кафе, про супермаркет, про его белую чашку, которую она переставляла. Он слушал. Не анализировал. Просто слушал.

Когда приём подошёл к концу, психолог закрыла блокнот — она всё-таки делала пометки, но редко, — и сказала:

— На сегодня достаточно. Вы оба услышали что-то новое друг о друге. Это хорошее начало. Я предлагаю встретиться через неделю. А пока попробуйте дома один простой приём: когда один говорит, второй, прежде чем отвечать, повторяет: «Я услышал то-то и то-то. Правильно?» И только потом отвечает. Это замедлит реакцию и поможет избежать непонимания.

Они вышли в приёмную. Дверь кабинета закрылась за ними. В коридоре было тихо. Они спустились по лестнице, вышли на улицу. Дождь кончился, но асфальт ещё блестел.

Они подошли к машине. Он открыл ей дверцу. Она села. Он обошёл машину и сел за руль. В салоне было тихо. Он не заводил двигатель. Она смотрела в окно — теперь уже без ненависти, просто устало.

— Странно, — сказала она наконец.

— Что?

— Ты сказал: «Я услышал, что ты боишься». Ты правда услышал? Или это просто упражнение?

— Я правда услышал.

— Почему ты не слышал этого раньше?

Он задумался.

— Потому что ты говорила о кольце. А я слышал про кольцо.

— А теперь?

— Теперь я слышу про страх.

Она повернулась к нему. Её лицо было бледным, но спокойным.

— Я всё ещё хочу замуж.

— Я знаю.

— А ты всё ещё не хочешь.

— Да.

Она вздохнула.

— Тогда мы никуда не продвинулись.

— Продвинулись, — сказал он, вставляя ключ в зажигание. — Теперь я знаю, что ты не требуешь кольцо. Ты просишь гарантию. Это разные запросы.

— И что ты будешь делать с этим?

— Пока не знаю. Но я подумаю.

Он завёл мотор. Машина тронулась. Она откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и больше не смотрела на прохожих. Он вёл машину домой и думал о том, что психолог была права в одном: разные языки. Он говорил на языке логики. Она — на языке страха. Переводчиком он быть не умел. Но, возможно, мог научиться.

Когда они подъехали к дому, он заглушил двигатель и сказал:

— Я не уйду. Это не гарантия. Но это всё, что у меня есть.

Она открыла глаза, посмотрела на него и ничего не ответила. Просто кивнула и вышла из машины. Он пошёл за ней, закрыл дверь дома на ключ и подумал: неделя до следующего приёма. Посмотрим, что будет дальше.

Глава 10. Приём у психолога: от лица бабы

Дверь открылась.

Я увидела её — женщину в сером костюме, с пучком, с очками, с этой профессиональной полуулыбкой, которая мне сразу не понравилась. Она стояла в проёме и смотрела на нас. На него. Сначала на меня — секунду, — а потом на него. Я заметила. Я всегда замечая, на кого смотрят в первую секунду.

— Добрый вечер. Проходите.

Голос спокойный, мягкий. Такой голос бывает у женщин, которые уверены в себе. У которых диплом на стене и мужа дома, и муж этот, наверное, профессор, и они вместе пьют чай по вечерам и обсуждают клинические случаи, и она никогда, никогда в жизни не лежала лицом к стене и не считала трещины на обоях.

Я вошла первой — быстро, чтобы выбрать кресло. Чтобы то, которое дальше от неё, было моим. Села. Он сел рядом.

Она напротив. Блокнот на коленях. Не открывает. Значит, будет играть в «я просто поговорю с вами по душам». Знаю я эти игры.

— Давайте начнём с простого. Как вы хотите, чтобы я к вам обращалась?

Я назвала своё имя. Он — своё. Она повторила их, как будто пробовала на вкус. Его имя она произнесла чуть медленнее. Или мне показалось? Может, показалось. Но я уже запомнила. Я буду запоминать всё. Я для этого сюда и пришла — чтобы запоминать всё, что она скажет и как она на него посмотрит.

— Расскажите, что привело вас сюда.

Тишина. Я хотела начать, но слова застряли в горле, как будто их там было слишком много и они не могли пройти по одному. Тогда он заговорил первым. Он всегда заговаривает первым, когда я молчу. Это его способ — заполнять мои паузы собой.

— У нас возник конфликт. Она хочет заключить брак. Я не вижу в этом необходимости.

Я слушала его и думала: вот, опять. Опять он говорит обо

мне в третьем лице, как будто меня здесь нет. Как будто я — это проблема, а он — это решение. Как будто «она хочет заключить брак» — это симптом, а он пришёл к врачу за рецептом. Но я ничего не сказала. Я ждала. Психолог повернулась ко мне.

— Вы хотите что-то добавить?

Я подняла глаза. Сначала на неё — оценить, в чьих она очках и что у неё на лице. Ничего особенного. Пятьдесят лет, морщины вокруг глаз, помады нет. Не красивая. Но это неважно. Красивые тоже опасны, но некрасивые опасны по-другому: они берут умом, пониманием, душевностью. Они умеют слушать. А он любит, когда слушают.

— Да. Всё так. Только он упустил, что мы живём вместе год. И что он переехал в мой дом. И что мы спим в одной кровати. И что я готовлю ему ужин. И что для меня это важно — не просто бумажка, а чтобы он сказал: «Ты моя навсегда». А он говорит: «Я ничего тебе не обязан».

Я выпалила это быстрее, чем хотела, и мой голос дрогнул на слове «навсегда». Она кивнула. Просто кивнула. Никакого сочувствия. Никакого «о, бедная». Профессионал. Она перевела взгляд на него.

— Я слышала вас обоих. Вы сказали, что не видите необходимости в браке. Что для вас брак?

— Социальный институт. Юридический договор. Культурный ритуал.

Я чуть не засмеялась. Боже, он правда это сказал. Психологу. На первом приёме. Социальный институт. Мой мужчина — ходячий учебник. Я хотела пихнуть его локтем, но сдержалась.

— А для вас? — она повернулась ко мне.

Я открыла рот и вдруг поняла, что не знаю, как ответить. Не потому - что у меня нет ответа — у меня их сто, — а потому что страшно. Если я сейчас скажу правду, она увидит меня насквозь. Она увидит, что я не просто «хочу замуж». Она увидит, что я хочу его всего, целиком, без остатка. Что мне нужно, чтобы он принадлежал мне по закону, по крови, по документам, по всему. Что я не выношу саму мысль о том, что он может уйти. Что иногда я просыпаюсь ночью и проверяю, дышит ли он.

Но я не могла этого сказать. Поэтому я сказала проще.

— Для меня это обещание. Что он не уйдёт. Что он выбрал

меня.

— Когда вы говорите «по-настоящему» — что это значит?

— Это значит — перед всеми. Перед законом. Перед людьми. Чтобы не было так, что он в любой момент может собрать чемодан и уйти, и я даже никем ему не прихожусь.

Она кивнула. Опять этот кивок. Я не понимала, на чьей она стороне. Может, ни на чьей. Может, ей всё равно. Может, она сейчас думает не о нас, а о том, что у неё в духовке курица.

— Хорошо. Теперь я хочу понять: когда вы обсуждали этот вопрос дома, как это происходило?

— Она начинает, — сказал он. — Обычно вечером. Я слушаю. Потом отвечаю.

«Она начинает». Как будто я — пожарная сигнализация. Как будто я ни с того ни с сего начинаю выть по вечерам. Может, я начинаю, потому что жду весь день? Может, я начинаю, потому что ты не говоришь со мной сам? Может, если бы ты хоть раз сказал: «Я думал о нашем разговоре», мне бы не пришлось начинать?

— И что вы отвечаете?

— То, что думаю. Что брак ничего не изменит в моём отношении к ней. Что я не собираюсь уходить. Что формальности не добавят мне чувств.

— А вы, что вы слышите, когда он это говорит?

Я посмотрела на неё. Потом на него. Потом в пол. Потом снова на неё.

— Я слышу: «Ты для меня недостаточно важна, чтобы я пошёл на этот шаг». Он говорит: «Я не собираюсь уходить», а я слышу: «Я оставляю себе возможность уйти». Он говорит: «Брак ничего не изменит», а я слышу: «Ты ничего не значишь».

Я сказала это, и в комнате стало очень тихо. Я боялась, что он сейчас закатит глаза. Или скажет: «Опять ты всё переворачиваешь». Но он молчал. И психолог молчала. А я сидела и чувствовала, как внутри что-то дрожит — не от страха, а от того, что я наконец сказала это вслух. Не ему. Ей. При нём. Это было как признание в суде, где он — обвиняемый, но я почему-то чувствую себя преступницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.